

Ирена Салениеце

Даугавпилс, Латвия

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН ВОСПОМИНАНИЙ О ЕВРЕЯХ ДОВОЕННОЙ ЛАТВИИ

Жизненные истории (*dzīvesstāsti*¹) жителей Латвии, хранящиеся в Латвийской национальной коллекции устной истории и в коллекции устной истории Даугавпилсского университета, содержат интересный материал, изучение которого дает основания полагать, что отношение так называемых «простых людей» к евреям в предвоенной Латвии было весьма позитивным². В сегодняшних воспоминаниях 70—80-летних жителей западной (Курземе) и юго-восточной части Латвии — людей разного пола и социального статуса — об этом свидетельствует также эмоциональный компонент выражаемого отношения. Конечно, речь идет о сегодняшних эмоциях рассказчиков, обусловленных, однако, теми чувствами и эмоциями, которые связывали их с евреями в прошлом. Эмоциональная память — память об уже ранее возникшей эмоциональной реакции на какие-либо события, пережитые чувства³. Психологи признают не только наличие у людей эмоциональной памяти, но и устойчивый ее характер: «интуитивная оценка и эмоциональный отклик проявляют тенденцию к постоянству, так что объект и ситуация, определенным образом оцененные и эмоциональноотреагированные, «всякий раз» вызывают эту же оценку и эмоцию»⁴. Поэтому представляется возможным реконструировать чувства и эмоции, существовавшие в отношениях жителей довоенной Латвии различных национальностей (в первую очередь — латышей) и евреев, на основе изучения чувств и эмоций, репрезентирующих себя в источниках устной истории.

О наличии эмоциональных переживаний, связанных с евреями довоенной Латвии, в источниках свидетельствуют:

- непосредственные проявления эмоций при воспоминании о знакомых и друзьях — евреях;
- описания чувств, когда-то испытанных в общении с евреями;
- структура текста, словоупотребление и т.д.

Для более детального рассмотрения интересующей нас темы обратимся к анализу конкретного интервью. Респондент 1908 г. рож., латыш, уроженец и долголетний житель Даугавпилса, в чьей биографии были работа в частной фирме и пограничная служба в довоенной Латвии; легион⁵ и соединение генерала Курелиса⁶ в годы войны; советский плен и лагерь, а также многое другое. Аудиозапись интервью хранится в архиве центра устной истории Даугавпилсского университета (DU MV:2). Жизненная история насыщена событиями и общением с разными людьми, о которых респондент охотно рассказывает, передавая в подробностях факты и не скрывая собственного отношения, в том числе — эмоци-

Автор благодарит ассоциированного профессора кафедры педагогической психологии Даугавпилсского университета Аниту Пипере за консультации по затронутым в статье вопросам психологии.

онального. Попытаемся определить, каков характер продемонстрированных эмоций. Из пространного трехчасового интервью были выбраны эпизоды, в которых речь идет о евреях. Следует отметить двойное происхождение этих эпизодов:

1) респондент упоминает о евреях спонтанно, по ходу выстроенного им самим рассказа;

2) респондент рассказывает о евреях, отвечая на вопрос интервьюера.

В первом случае практически отсутствуют конкретные эмоциональные проявления, поскольку речь идет о людях малознакомых или незнакомых вовсе, как, например, в рассказе о событиях 1919 г.:

В это время там какая-то сумасшедшая еврейка (выделено мною. — И. С.) подстрелила Ленина, слышали? Ну и вот объявили красный террор, и вот начался он в Даугавпилсе — красный террор... За одну ночь были арестованы 90 человек, среди них — православный священник Румянцев, староверские наставники Гайковские, один или два, не помню, один... ксендз <...> мелкие лавочники <...> И вот 90 человек отвезли туда, к Погулянке, и расстреляли без суда.

Или в повествовании о переменах, которые произошли с рассказчиком (на тот момент — латвийским пограничником) в 1940 г.:

...Погоны срезали, и все мы одинаковые стали, и дали нам комиссара, и еврейский комиссар Абрамзон, еврей-сапожник, и... приехал <...> комиссар превратился скоро в начальника госбезопасности <...> этот Абрамзон сидел, чекист...

Однако некоторый эмоциональный фон все же появляется и в выделенных эпизодах. Во втором эпизоде чувствуется отсутствие симпатии, возможно, неприязнь к «еврейскому комиссару», что, безусловно, связано с характерной для рассказчика антисоветской, антикоммунистической настроенностью. Тем более что комиссар вскоре стал «начальником госбезопасности» («чекистом»), приобретая огромную власть без каких-либо на то оснований. Ведь для рассказчика он всего лишь «еврей-сапожник» — вот и тачал бы сапоги всем на радость. Однако же Абрамзон получает власть, в то время как по-настоящему достойные люди страдают: «Первого арестовали командира взвода нашего — Уланова, прекрасный человек...» Ясно, что не еврейское происхождение Абрамсона, а его социально-политическая роль ненавистны рассказчику. Тем не менее в кратком эпизоде дважды упоминается «еврейство» Абрамсона. Случайно ли это? Возможно, рассказчик неосознанно воспроизводит ставший популярным в начале 90-х гг. XX в. миф о том, что советская власть в Латвии в 1940 г. насаждалась именно евреями.

Более сложные ассоциации вызывает первый из упомянутых эпизодов, в котором фигурирует «сумасшедшая еврейка», ранившая Ленина. Почему «сумасшедшая»? Потому что ее выстрел стал импульсом к развязыванию красного террора; потому что рассказчик вообще не признает террористических методов борьбы; потому что нормальная женщина не станет стремиться к убийству человека и т.д. — объяснить данное определение можно по-разному. Но зачем рассказчик отмечает, что она была «еврейка»? Она определенно противница коммунистов, поэтому винить ее в насаждении советской власти не приходится. Почему в рассказе дальше упоминается о казни священников христианских конфессий? Ведь их убийство на совести коммунистической диктатуры, против главы которой выступила Ф. Каплан. Логического объяснения произнесения рассказчиком слова «еврейка» не существует. Возможно, это автоматическое следование довольно популярному стереотипу, который постоянно воспроизводится в рус-

скоязычных, особенно российских изданиях, где принято упоминать об изощренных происках евреев. Рассказчик, безусловно, включен в российское информационное пространство, о чем свидетельствует постоянное упоминание им реалий современной российской жизни.

В двух вышеупомянутых эпизодах речь идет о «чужих» евреях, но были и совсем другие — «свои»: «У меня много евреев-друзей. Дружные были», — говорит рассказчик, тем самым провоцируя интервьюера на просьбу:

— Ну, расскажите о евреях что-нибудь.

— Что сказать?

— О евреях расскажите.

— Я вам скажу: евреи очень хорошие люди были, я только удивляюсь теперь, что они там творят, там с этими арабами, зачем они это делают. Вы подумайте, вот я слышал, что теперь уже пошло — погромы во Франции, например, ведь зло порождает зло <...> ведь, по сути, все делают не евреи, а все делают вот эти верхушки, так народ тут ни при чем. Народ будет, люди будут жить всякие. Ну что нам делить?

Весьма интересным представляется хронологический перескок в рассказе: в ответ на просьбу интервьюера и в соответствии с ходом повествования, в котором речь шла о довоенных событиях, респондент начинает вспоминать довоенных латвийских евреев и тут же переходит к критике современных евреев, замешанных в израильско-палестинском конфликте. Рассказчик никак не может оправдать роль евреев в этом конфликте, но, как представляется, удивление и недоумение вызывает не само по себе поведение израильтян, а то обстоятельство, что столь неразумно поступают израильские евреи, которые в сознании рассказчика связаны с «очень хорошими людьми» — евреями довоенного Даугавпилса. Таким образом, евреи вновь оказываются разделенными на «своих» и «чужих», причем к числу последних относятся не столько пространственно удаленные, сколько социально-политически дистанцированные — принадлежащие к «верхушке», а не «народ».

Самые значительные «еврейские» эпизоды источника относятся к предвоенному времени, когда рассказчик имел весьма тесные контакты с евреями. Попытаемся выявить общее эмоциональное настроение⁷, окрашивающее его воспоминания о евреях.

Представленные конкретные чувства и эмоции весьма разнообразны:

и а с м е ш к а, и р о н и я⁸ в отношении тех даугавпилских евреев, которые желали выслужиться перед вступившими в город в 1940 г. советскими («русскими») военными. Некоторые местные евреи, пытаясь разжалобить представителей нового порядка, сетовали на невыносимые условия жизни при «буржуазном строе», не понимая, что в глазах советских людей, не избалованных материальными благами, они сами выглядели, как настоящие буржуи:

...В 40-м году пришли русские, встречали их все хорошо, и евреи были: «Ой, слава Богу (сколько евреев здесь было!), мы так мучились, ой!» Я помню только одно, как один русский сказал: «Видно, видно...»... а они <...> одеты, эти евреи, да они [советские военные] удивляются: какие замученные?

Наряду с этим в рассказе появляются и другие чувства.

Б л а г о д а р н о с т ь за помощь в трудную минуту, когда рассказчик, уволенный с пограничной службы, оказался без работы:

...Меня прогнали с границы, встречаю евреев, мальцев своих. Иоффе были такие два. Два брата Иоффе, они держали извоз — лошадей они держали и извозчиков. Встречаю их и говорю: «Вот, малыцы, так и так, такое дело, я без работы, как жить?» — «Вот что, я буду тебе 10 рублей платить в день, ты приходи на станцию, около тюрьмы тут <...> выгружать дрова. И вот ты будешь накладывать, значит, которые выгруженные дрова, на подводу, я тебе деньги буду за это платить». — «Спасибо, малыцы!» — Я пошел, еще с собой ребят взял, таких, как я, и стали мы работать...

С и м п а т и я с легкой примесью юмора⁹:

Вдруг едет Яшка Бутин на митрофановской коляске — сидит, развалившись барином. Я крикнул:

— Эй, Яшка, что ты такой барин стал?

— Что ты, Володька? Что ты тут делаешь?

— Вот видишь я здесь работаю...

— Иди ты ко мне заместителем.

— Иди ты к черту, что ты, я же враг народа, как я к тебе пойду, кто меня примет?.. Вот дурак какой!

— Ой, фу, какой дурак тебе сказал, что ты враг народа? Иди ко мне, и все...

— Не, Яша, не, спасибо...

Юмор ситуации для рассказчика заключается в том, что в реквизированной коляске местного богача при новой власти стал разъезжать простой экспедитор, сумевший, однако же, воспользоваться ситуацией. Ловкость приятеля была на руку рассказчику, поскольку помогала решать и его проблемы. Поэтому он явно симпатизирует Яшке, который ездит, «развалившись барином», и не собирается пугливо озиаться по сторонам.

Среди чувств, связывающих рассказчика с евреями — д о в е р и е, д р у ж е - с к а я в з а и м о в ы р у ч к а:

...Еще до военной службы, еще женат не был, мы с Яшкой тогда работали экспедиторами, я — в одной фирме, он — в другой. <...> Бывало, денег мне не хватит выкупить вагон: «Яшка, одолжи мне там 100 лат каких, может, пока с конторы принесут...» — «На!» — Яшка даст мне. Яшка приходит ко мне, стучит: «...слушай, дай ты мне 200 лат, мне надо выкупить вагон». — «На тебе 200 лат», — ну, вот так вот и жили...

Замаскированное юмором в о с х и щ е н и е верностью в дружбе и отсутствием боязни; способностью поддержать и помочь:

Привязался Яшка, каждый день он ко мне приезжал. «Ой, ты еще все тут? Пойдем ко мне!» — и все. Я говорю: «Яшка (а тогда надо было писать автобиографии там всякие), надо писать, знаешь...» — «А, иди ты к черту, не надо писать там ничего, а иди ко мне, и все. Мне надо честный человек, ты даже дело знаешь, иди ты и все... кто тебе сказал, какой ты враг, ну что это?» Ну, уговорил меня Яшка. <...> Ну, пришел. <...> Он сразу нагрузил меня работой: «Вот так, распоряжайся тут, как хочешь!» А там надо было развозить все и водку даже... Яшка все на меня возложил, а у него тысяча дел, как всегда...

Однако часть эпизодов эмоционально окрашены в совершенно иные тона. Появляется б е с п о к о й с т в о за друзей-евреев перед лицом нацистской угрозы:

Это было 22-го... началось 25-го... я вышел: что-то не так, что-то нервность такая, нервирует что-то... я вышел на Рижскую улицу, смотрю, пожарная машина проскочила, на ней люди в пальто (жара — 25 июня)... в пальто, с винтовками и на машине написано: «Каунас». Э-э, в Кау-

насе, значит, немцы, потому что последние город оставляют, когда сдают неприятелю город, — пожарники уходят и администрация... Вдруг мне в голову ударило: «Евреи!..» ...Побежал я...

Рассказчик воссоздает состояние действительно обеспокоенного человека, передавая постепенное нарастание тревоги, когда неосознанная «нервность» сменяется близким к шоку («вдруг мне в голову ударило») состоянием, после того как стало очевидно, что немцы на подходе к Даугавпилсу. Тогда оторопь мгновенно сменяется необыкновенной активностью: он бежит (на протяжении краткого эпизода пять раз упоминается, что рассказчик «побежал»), он только бежит, а не ходит), убеждает, ругается — одним словом, не находит себе места от беспокойства.

Одновременно рассказчик испытывает з а б о т у и желание способствовать спасению друзей:

Побежал я к Яшке:

— Яшка, уходи!

— А как я, у меня же дети...

— Ты же начальник транспортной конторы, иди, возьми митрофановскую машину, сажай своих...

— А я не умею водить машину...

— Не умеешь водить, найди еврея, который умеет, и он поедет... — уговорил.

Затем появляется ощущение собственного бессилия из-за невозможности воздействовать на обреченных, переходящее в отчаяние от того, что сами евреи не осознавали своей обреченности:

— Я побежал к ним [семья сапожников Бар, с которыми дружила семья рассказчика]. Сидят Файвка и Мотке, тачают сапоги. Я говорю: «Мальцы, бросайте все к черту, сматывайте отсюда!» — «А что такое?» Я говорю: «Немцы придут. Завтра немцы утром будут тут, уматывайте!» — «Куда мы, старики такие...» — «А вот поезда пока идут, садитесь и поезжайте, пока в Россию». — «Да иди ты к черту!»

— Они не думали, не подозревали даже ни о чем?

— Не-ет... Мне Мотке говорит: «Володька, ты не подымай паники, никуда мы не поедем». Я говорю: «Что ты глупости говоришь, за панику меня расстреляют, дурак ты...» Ну и разругались мы с ним... «Что мне немец, что мне Гитлер, что, он отнимет у меня этот молоток?» <...> Они не представляли, что значит фашизм, не знали, что надо убежать... [Об умниках, не разъяснивших народу, что к чему.] Я ему говорю: «Он у тебя жизнь отымет» — «Ай, — говорит: иди, не занимайся паникой». ...А я: «Что ты, дурак, меня же расстреляют за это, за панику, ну вот так, я говорю, мне некогда с тобой говорить, у меня еще есть кроме тебя, кому надо сказать...»

Как видим, в рассказе появляются г н е в и н е н а в и с т ь к власти, повинной, по мнению рассказчика, в трагедии неинформированных людей. Чувство г о р е ч и и р а з о ч а р о в а н и я и по сей день не оставляют рассказчика, сопровождаемые, как кажется, подспудным ощущением с о б с т в е н н о й в и н ы, что все-таки не сумел убедить друзей уйти и тем самым спастись от нацистов:

— ...Я сел на велосипед, поехал в город. Приехал к евреям этим, которым я сказал уходить, думаю: ушли они или нет? Подъехал к дому (они на Огородной улице жили) — закрыто. Я постучал, постучал, думаю, они спят. Никто не ответил, думаю: значит, ушли... а говорят, не ушли... Оказывается, им все стучали, стучали, а они не открыли никому...

— Спрятались они?

— Они дома сидели, и все... и я стучал, и мне не открыли... ну, я думал, ушли...

Наконец, рассказчик припоминает некоторое чувство облегчения при получении сведений, косвенно подтверждающих, что одному из друзей удалось бежать и, возможно, спастись хотя бы на тот момент:

— Я поехал по городу, поехал в этот гараж, думаю: Яшка как там мой? <...> Пришел сторож, мне сказал: «Яшка был, забрал машину эту митрофановскую и уехал». Думаю: ну, слава Богу, хоть Яшка уехал. Но он не вернулся... наверное, его взяли в армию, в России же всех брали в армию...

— Возможно, он погиб?

— Может, возможно, и погиб...

Таким образом, спектр чувств и эмоций, связанных с отношением к евреям, весьма широк. То обстоятельство, что рассказчик концентрирует внимание на переломных моментах (смена властей, начало войны), объясняет наличие заметной доли негативных эмоций, вызванных не собственно евреями, а сложившейся вокруг них ситуацией. В воспоминаниях о довоенной жизни в независимой Латвии и об отношениях с евреями в источнике безусловно доминирует чувство дружбы и сопряженные с ним эмоции интереса и симпатии, ведущие к возникновению взаимного уважения и взаимовыручки:

Такие Бар были у нас друзья, сапожники... сапожная мастерская... ну, хорошо мы жили с ними. Отец по-еврейски болтал мой, да и я немножко так еще. Я побежал к этим сапожникам, а они были два работали: Мотке — старший, Файвка — младший... старик иногда Иосель работал... уже мы знали... это наши были друзья. И я помню вот один пример такой. Я служил в армии, в артиллерии... надо ж было мне сапоги хромовые. «Пойдем, сапоги у Иоселя закажем...» Пришли, смотрим, сапоги его навешены готовые. Зашли. «Ты не смотри туда, Володька, это не тебе. Если надо, я тебе сделаю лучше сапоги. А эти нельзя, эти не тебе...»

Более внимательное ознакомление с источником дает возможность найти подтверждение безусловно дружеских чувств рассказчика по отношению к «своим» евреям не только на уровне лексики, но и на более глубинных — морфологическом и синтаксическом уровнях текста. Словоупотребление неоднократно выявляет в тексте позитивное отношение к евреям:

— рассказчик нередко произносит слова «свои», «мои», «мой», когда речь идет о евреях: «евреи, мальцы свои»; «Яшка мой» и др.;

— часто встречаются отнесенные к евреям слова со значением дружбы («дружные», «друзья», «дружили») и вообще с позитивным значением («очень хорошие люди», «хорошо мы с ними жили» и т.п.);

— постоянно упоминаются имена собственные (Июффе, Яшка Бутин, сапожники Бар — Мотке, Файвка и Иосель и др.), характеризуются индивидуальные черты знакомых евреев, т.е. присутствует их персонификация, что, по наблюдению Б. Поршнева¹⁰, свидетельствует о признании называемых «своими».

Об этом признании свидетельствует также неосознанный, но довольно последовательно соблюдаемый рассказчиком паритет в применении языковых средств, когда он говорит о себе и о друзьях-евреях. Так, на уровне морфологии мы наблюдаем применение уничижительного суффикса и при назывании евреев, и при назывании себя самого: Яшк^а, Мотк^е — Володьк^а. На синтаксическом уровне появляются парные конструкции в составе предложений: «...мы с Яшкой тогда работали экспедиторами: я в одной фирме, он — в другой» и парные предложения:

- Яшка, одолжи мне 100 лат...
- На!..
- <...> Слушай, дай ты мне 200 лат...
- На тебе 200 лат!

Таким образом, анализ отдельного источника подтверждает наблюдение о преобладании позитивных эмоций в воспоминаниях о евреях довоенной Латвии в жизненных историях 70—80-летних жителей Латвии. Это указывает на существовавшее среди местных жителей позитивное отношение к евреям, которых воспринимали как «иных», отличных (о чем свидетельствует весьма распространенное обозначение национальности сапожника, торговца и т.д. — еврея), но тем не менее не «чужих».

Признавая, что наличие позитивных эмоций в отношениях между людьми ведет к их сближению, «способствует конструктивному взаимодействию»¹, можно разглядеть реальные предпосылки для сближения людей разных национальностей, живших на территории Латвии до Второй мировой войны. К сожалению, потенциальная возможность так и не воплотилась в реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Milts A. Tautas izziņa mutvārdū vēsturē* // *Spogulis: Latvijas mutvārdū vēsture*. R., 2001. 33.—39. lpp.; *Zirnīte M. Dzīvesstāstu liecinājums* // *Ibid.* 9.—17. lpp.

² *Саленице И.* Евреи Латвии глазами латышей: 20—30-е гг. XX в. (по источникам устной истории) // Материалы 10-й Ежегод. междунар. междисциплин. конф. по иудаике. М., 2003. Ч. 1. С. 226—239.

³ *Psiholoģijas vārdnīca* / Red. G. Breslavs. R., 1999. 42. lpp.

⁴ *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб, 2000. С. 51.

⁵ Имеется в виду Латышский легион СС, мобилизацию в который гитлеровцы объявили в феврале 1943 г. Состоял из двух дивизий, основу которых составили латышские полицейские батальоны, сформированные в 1941 г. Легионеры использовались в боях на Восточном фронте — у рек Волхова и Великой, в «Курляндском котле» и на территории Германии. — *Ред.*

⁶ Курелис Янис (1882—1954) — военачальник, генерал (1925). Участник русско-японской и Первой мировой войн. С ноября 1919 г. в латвийской армии. В августе—ноябре 1944 г. возглавлял воинское формирование, созданное при поддержке германских оккупационных властей (предполагавших использовать его для борьбы с просоветским партизанским движением и в тылу Красной армии) и действовавшее в Рижском и Вентспилсском уездах. В ноябре из-за утраты гитлеровцами контроля над формированием оно было разоружено полицией безопасности СД, а его военнослужащие репрессированы (около 40 избежавших репрессий присоединились к просоветским партизанам). Сам Я. Курелис с 1944 г. находился в эмиграции сначала в Западной Германии, затем в США. — *Ред.*

⁷ В данном случае уместно учитывать замечание видного психолога С. Л. Рубинштейна о том, что «настроение не предметно, а личностно — это во-первых, и, во-вторых, оно не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое общее состояние» (*Рубинштейн С.* Основы общей психологии. СПб., 1999. С. 582).

⁸ «В чистом виде ирония предполагает, что человек чувствует свое превосходство над предметом, вызывающим у него ироническое отношение» (*Рубинштейн С.* Указ. соч. С. 577). Полагаю, это чувство превосходства скорее сегодняшнее, когда рассказчик обладает всей полнотой информации о природе советского строя.

⁹ «Юмор предполагает, что за смешным... чувствуется что-то положительное, привлекательное. С юмором смеются над недостатками любимого. В юморе смех сочетается с симпатией к тому, на что он направляется» (*Рубинштейн С.* Указ. соч. С. 577).

¹⁰ *Poršņevs B. Sociālā psiholoģija*. R., 1982. 85. lpp.

¹¹ *Изард К. Э.* Указ. соч. С. 57.